

ВОЗЗВАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА К ПОЛЯКАМ 1 (14) АВГУСТА 1914 Г.: ЗНАЧЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Александра Бахтурина

Abstract

The proclamation to the Polish nation on 14 (1) August 1914 signed by Grand Duke Nikolai Nikolaevich has interested more than one researcher. Researchers from Russia and other countries routinely refer to the document in their analysis of the Polish question. However, the proclamation itself has not been an object of research for a long time, although the circumstances of its appearance, its content, and its multiple political consequences might contribute not only to an analysis of the Polish question, but also, in a more general sense, to studies of the national question in the Russian Empire. The paper deals with the history of the proclamation to the Polish nation, the reasons for its appearance, and the characteristics of the text. It analyses the issue of its authorship, and the impact of the proclamation on general public feeling, and also discusses the consideration of the Polish question in the Council of Ministers of the Russian Empire during the First World War.

Key words: Polish question, Russian Empire, First World War, nationalities question.

Anotacija

1914 m. rugpjūčio 14 (1) d. atsišaukimas į lenkų tautą, pasirašytas didžiojo kunigaikščio Nikolajaus Nikolajevičiaus, sulaukė ne vieno tyrinėtojo dėmesio. Rusijos ir kitų šalių tyrėjams analizuojant Lenkijos klausimą karo metais, naudoti šį dokumentą tapo įprasta. Tačiau pats atsišaukimas į lenkų tautą ilgą laiką nebuvo savarankiško tyrimo objektu, nors jo atsiradimo aplinkybių, turinio ir daugialypių politinių pasekmių ištyrimas gali padėti ne tik analizuojant Lenkijos klausimą, bet ir bendresne prasme – tiriant nacionalinį klausimą Rusijos imperijoje. Straipsnyje analizuojama atsišaukimo į lenkų tautą istorija, jo atsiradimo priežastys, teksto ypatybės, nagrinėjamas autorystės klausimas, atsišaukimo poveikis nuotaikoms visuomenėje, aptariamas Lenkijos klausimo svarstymas Rusijos imperijos Ministrų Taryboje Pirmojo pasaulinio karo metais.

Pagrindiniai žodžiai: Lenkijos klausimas, Rusijos imperija, Pirmasis pasaulinis karas, nacionalinis klausimas.

Aleksandra Bakhturina (Александра Бахтурина), dr. (доктор исторических наук), Russian State University for the Humanities (Российский государственный гуманитарный университет), 3-i Likhachevskii per. 7-2-223, Moscow, 125438, Russia. Email: a-yu-b@yandex.ru.

Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. за подписью великого князя Николая Николаевича всегда привлекало внимание исследователей. При изучении польского вопроса в годы Первой мировой войны российские и зарубежные исследователи неизменно обращались к этому документу, служившему своеобразной точкой отсчета при изучении вышеназванной проблемы. Но в целом, в течение долгого времени воззвание к полякам не являлось предметом самостоятельного изучения. Хотя исследование истории возникновения, содержания документа и его разнообразных политических последствий может помочь при изучении не только истории польского вопроса, но и национального вопроса в Российской империи в целом. История появления воззвания к полякам позволяет более всесторонне оценить деятельность правящих верхов по управлению империей в начале Первой мировой войны.

Воззвание к полякам и исторические исследования

Воззвание к полякам в российской и зарубежной историографии крайне редко становилось предметом самостоятельного изучения, хотя практически все исследования по истории России периода Первой мировой войны так или иначе упоминают об этом документе. Уже в 1938 г. один из первых историков царствования императора Николая II С. С. Ольденбург отметил, что публикация воззвания привела к тому, что польские общественные деятели в Российской империи «провозгласили свою верность союзникам», «легионы Пилсудского почти не нашли себе пополнения в Царстве Польском», т. к. государства Антанты обещали полякам больше, чем их противники¹. В дальнейшем оценки политического значения воззвания менялись. К настоящему времени в большинстве российских и зарубежных работ оно оценивается как декларация, не имевшая значимых политических последствий. Так, А. Пражмовска отмечает, что содержание воззвания разочаровало поляков, а польские лидеры не увидели в воззвании реальных указаний на то, что царизм пойдет на предоставление Польше автономии внутри империи². Следует также отметить, что, обращаясь к тексту воззвания, большинство авторов обращают внимание на его заключительную часть, где говорится об объединении Польши «под скипетром русского царя», оценивая данное заявление как декларацию, которая не могла удовлетворить поляков³. Ряд российских историков считают, что «воззвание представляло собой весьма дальновидный политический и государственный

¹ ОЛЬДЕНБУРГЪ, С. *Царствование Императора Николая II*. Т. II. Мюнхень, 1949, с. 151.

² PRAŽMOWSKA, A. J. *Poland: A Modern History*. London, 2010, pp. 62–63.

³ STEVENSON, D. *1914–1918: The History of the First World War*. London, 2004; McMEEKIN, Sean. *The Russian Origins of the First World War*. Cambridge, MA, 2011.

ход России, так как ни Германия, ни Австро-Венгрия не могли ответить на него обещанием объединить все части Польши, не задевая тем самым интересов друг друга»⁴. Существуют иные оценки воззвания. А. Б. Асташов приравнивает воззвание к полякам к многочисленным листовкам, распространявшимся на русском фронте в 1914 г. Исследования, посвященные собственно воззванию в российской и зарубежной историографии крайне редки. В российской историографии затрагивался вопрос об авторстве воззвания к полякам⁵. Но при этом ряд данных не был использован и в настоящий момент существует настоятельная необходимость дальнейшего исследования документа.

Предстоит ответить на ряд вопросов. Во-первых, было ли воззвание осознанным политическим шагом российского правительства или спонтанной пропагандистской акцией. Во-вторых, требует уточнения вопрос об авторах воззвания и особенностях текста документа. В-третьих, предстоит ответить на вопрос о том, имела ли публикация воззвания политические последствия.

48

Канун Первой мировой войны: будущие противники и польский вопрос

Накануне Первой мировой войны будущие противники — Австро-Венгрия, Германия и Россия — в полной мере осознали политические последствия раздела Польши. раздел польского населения между тремя государствами вполне могло создать серьезные политические проблемы в условиях войны. Будущие участники мирового конфликта серьезно озаботились вопросом о том, на чьей стороне выступят поляки. Требовалось как минимум сохранить лояльность польского населения в отношении государственной власти, а как максимум — привлечь поляков на свою сторону и использовать их против противника. Польское население, проживавшее на территории государств-противников, могло стать серьезным дестабилизирующим фактором в условиях конфликта. На это обстоятельство в 1976 г. обратил внимание К. Колдер, отмечая, что в борьбе за поляков Россия выступила первой, издав воззвание с обещанием автономии в результате войны⁶. С этим утверждением можно согласиться лишь частично, поскольку борьба за лояльность польского населения началась еще до начала Первой мировой войны.

⁴ БАЗАНОВ, С. Отличный главнокомандующий. *История. Еженедельное приложение к газете «1 сентября»*, 2004, № 4, с. 4–11; СЕНЯВСКАЯ, Е. Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника. *Вестник РУДН. Серия «История»*, 2009, № 4, с. 111–127.

⁵ АСТАШОВ, А. *Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны*. Москва, 2012, с. 22.

⁶ CALDER, K. J. *Britain and the Origins of the New Europe, 1914–1918*. Cambridge, 1976, p. 19.

Накануне войны Департамент полиции министерства внутренних дел Российской империи констатировал рост активности польских национальных общественных организаций как в России, так и в Австро-Венгрии. Этот процесс начался в 1905 г. и постепенно усиливался. Заинтересованность Австро-Венгрии в сотрудничестве с польскими общественно-политическими кругами до войны нашла отклик внутри польского социалистического движения.

В 1909 г. в Вене на съезде польской социалистической партии (ППС) конечной целью борьбы было названо создание независимого польского государства и объединение всех польских земель⁷. В 1908 г. в Галиции, по данным Департамента полиции, образовался первый кружок стрелков под лозунгом независимости Польши. Легализации и, соответственно, расширению этого движения помог ряд обстоятельств. В 1910 г. австрийское правительство приняло закон о стрелковых обществах⁸. Офицеры австрийской разведки предложили Ю. Пилсудскому создать на его основе легальные стрелковые общества, которые в итоге возникли сперва во Львове и Кракове, а затем и в других местностях Галиции⁹. Легализация военных организаций ППС позволила, по мнению Г. А. Матвеева, австрийским властям оказывать им помощь оружием¹⁰. Связь польского движения с австрийскими властями вскоре перестала быть тайной. Основной задачей польских военных организаций стала подготовка восстания в Царстве Польском¹¹. Так, Польская партия социалистов в январе 1914 г. приняла решение об отправке в Царство Польское и Литву организаторов подпольных групп и обучения их членов «военной тактике»¹². Конечной целью польских радикальных организаций было объединение Польши. Ю. Пилсудский, исходя из политических реалий, считал, что объединение должно идти внутри Австро-Венгрии, где поляки имели максимальные политические права: «Присоединить Царство Польское к Австрии, это значит бороться за «независимость Польши»¹³. Сообщения о подготовке восстания польскими национальными организациями публиковались в российской периодической печати¹⁴. На территории Царства Польского регулярно распространялись прокламации, которые призывали к организации в Польше вооруженного восстания в момент объявления войны между Россией и Австрией. Данный вопрос привлекал

⁷ МАТВЕЕВ, Г. *Пилсудский*. Москва, 2008, с. 159.

⁸ Агентурная записка для Департамента полиции по Общественно-национальному союзу в Галиции, декабрь, 1913 г. *Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ)*, ф. 102, оп. 244, д. 135, л. 44–45.

⁹ МАТВЕЕВ, Г. *Op. cit.*, с. 163.

¹⁰ *Ibid.*, с. 164.

¹¹ Агентурная записка..., л. 41.

¹² *Ibid.*, л. 21.

¹³ ПИЛСУДСКИЙ, Ю. Выступление в Париже на заседании географического общества с докладом о стрелковом движении, февраль 1914 г. *ГАРФ*, ф. 102, оп. 244, д. 135, л. 46–47.

¹⁴ *Русское знамя*, 21 января 1914 г.; *Новое время*, 24 января 1914 г.

самое пристальное внимание Департамент полиции МВД. Агентурные данные, поступавшие в Департамент, свидетельствовали об активности целого ряда польских национальных организаций, таких как Польская группа реалистов, Польское общество людовцев, галицийские военно-спортивные организации на территории Галиции. Выводы об активности названных организаций Департамент делал на основе агитационных материалов, информации о проведении маневров и учений, о серьезных финансовых трудностях внутри организаций¹⁵. Кроме того, уже в феврале 1914 г. представители польских военных организаций отмечали, что «военные действия польских отрядов невозможны из-за слабой подготовки»¹⁶. Все это позволяет говорить о том, что планы польских военных организаций на тот момент были вряд ли осуществимы. Но сама тенденция была весьма симптоматична и заставляла царское правительство обратить более пристальное внимание на польский вопрос.

К началу войны германское командование также стало вплотную заниматься вопросом дезорганизации тыла русской армии и не исключало возможности организации польского восстания в начале войны. 23 июля (5 августа) 1914 г. руководитель ведомства иностранных дел в Берлине Г. фон Ягов сообщал германскому послу в Вене, что немецкие войска «носят в кармане прокламации об освобождении Польши». Из германского генерального штаба в тот же день докладывали канцлеру, что «восстание в Польше уже началось»¹⁷.

Инструктируя германского посла в Стокгольме 24 июля (6 августа) 1914 г., канцлер Т. фон Бетман-Гольвег сформулировал лозунг: «Освобождение угнетенных народов России, оттеснение русского деспотизма к Москве»¹⁸, а 31 июля (11 августа) органам печати было дано указание направить пропагандистскую деятельность «в пользу Польского и Украинского буферных государств»¹⁹.

Воззвание к полякам 1 (14) августа 1914 г.: идея и автор

Начало Первой мировой войны в России сопровождалось сильным патристическим подъемом. Свою лояльность царскому правительству выразили представители различных национальностей. Польское население Российской

¹⁵ Политические партии в Галиции. Обзор Департамента полиции, 1913–1914 г. *ГАРФ*, ф. 102, оп. 244, д. 135. л. 1–41.

¹⁶ Агентурная записка..., л. 39–39об.

¹⁷ ТЕОДОРОВИЧ, И. Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке в 1914–1915 гг. In *Первая мировая война: сборник статей*. Отв. ред. А. СИДОРОВ. Москва 1968, с. 112–113.

¹⁸ *Ibid.*, с. 113.

¹⁹ *Ibid.*

империи первым встретило начавшуюся войну. Военные действия на Восточном фронте начались с наступления германских войск на город Калиш 20 июля (2 августа) 1914 г. Калиш был взят, начались репрессии в отношении мирных жителей²⁰. Были заняты также приграничные города Ченстохов, Сувалок, Вержболов, Плоцк, Андреев²¹. В направлении Варшавы хлынул поток беженцев и в этой трудной ситуации против всякого ожидания польское население Российской империи проявило полную лояльность в отношении к власти. Об этом говорилось на заседании Совета министров 30 июля (12 августа) 1914 г. Основные моменты этого заседания были зафиксированы помощником управляющего делами Совета Министров Российской империи А. Н. Яхонтовым в двух документах: записи заседания Совета министров и недатированных заметках для памяти, составленных не ранее декабря 1915 г.

На заседании о позиции поляков, настроенных резко против немцев, было сказано как об «удивительной неожиданности»²². Было отмечено «тяжелое положение поляков Царства Польского и его лояльность», которая заслуживает «высочайшего внимания». Решено было поблагодарить поляков за лояльность в высочайшей телеграмме на имя варшавского генерал-губернатора, генерала Я. Г. Жилинского, что и было сделано в тот же день.²³

Тогда же, 30 июля (12 августа) 1914 г. в Совете министров, по свидетельству А. Н. Яхонтова, говорилось о возможности подготовки воззвания к полякам. В связи с этим возникает ряд вопросов. В записи заседания Совета министров высказывания по польскому вопросу приведены А. Н. Яхонтовым от имени А. В. Кривошеина. В этом же тексте присутствует фамилия Я. Г. Жилинского. А в недатированной записке А. Н. Яхонтова предложение об издании воззвания изложено от имени Я. Г. Жилинского. В ней говорится, что варшавский генерал-губернатор Я. Г. Жилинский сказал о «воодушевлении против немцев и симпатии к нам со стороны поляков», хотя «готовились к случайностям и выступлениям. Познать за нас. Галиция выжидает». И далее: «Мысль о воззвании накануне выступления в польские земли — лозунг воссоединения разрозненных» поляков²⁴. Сам текст воззвания предлагалось разработать и согласовать военному министру В. А. Сухомлинову и министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

В записи заседания Совета министров в тексте выступления А. В. Кривошеина появляется фамилия Я. Г. Жилинского и похожий текст: «Удивительное отноше-

²⁰ *Русская армия в Великой войне: документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг.* Москва, 1942.

²¹ ДОНИН, А. Военный август 1914 г. в России (по материалам журнала «Нива»). *Власть*, 2014, № 2, с. 168.

²² *Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны: бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка)*. Гл. ред. Б. ГАЛЬПЕРИНА. Санкт-Петербург, 1999, с. 27.

²³ *Ibid.*

²⁴ *Ibid.*, с. 25.

ние поляков, резко против немцев [...] Воззвание — соединить разрозненных поляков. Издать надо накануне вступления. Редакция военного министра по соглашению с министром иностранных дел»²⁵.

Данные А. Н. Яхонтова подтверждаются дневником В. А. Сухомлинова, который в записи от 30 июля 1914 г. пишет: «Одобрено составление прокламаций для Германии и Австрии»²⁶.

Но при этом остается открытым вопрос о том, кто на заседании Совета министров инициировал подготовку воззвания: А. В. Кривошеин или Я. Г. Жилинский? В пользу последнего говорит именно записка А. Н. Яхонтова, составленная не ранее декабря 1915 г. Она представляет собой датированный перечень мероприятий по польскому вопросу с июля 1914 г. по декабрь 1915 г. В ней А. Н. Яхонтов счел необходимым выделить фамилию Я. Г. Жилинского и приписать именно ему слова о необходимости издания воззвания к полякам. В пользу данного утверждения говорит также и то, что фамилия Я. Г. Жилинского упоминается в обоих документах практически с идентичными текстами, но во втором случае на имени Я. Г. Жилинского сделан дополнительный акцент.

Таким образом, идея разработки воззвания к полякам была озвучена на заседании Совета министров 30 июля 1914 г. и, возможно, инициатива исходила от Я. Г. Жилинского, после чего началась подготовка текста.

Вопрос об авторстве воззвания является весьма сложным. Следует отметить, что даже современники стремились выяснить, кто же является автором текста. По этому поводу ходило множество слухов, один из которых приведен в дневнике З. Гиппиус. Она писала: ««Мало верят у нас главнокомандующему — Ник. Ник. Романову. Знаменитую его прокламацию о «возрождении Польши» писали ему Струве и Львов»²⁷ Но данное утверждение в имеющихся на данный момент документах подтверждения не находит.

В фондах Архива внешней политики Российской империи имеется письмо за подписью военного министра В. А. Сухомлинова, где говорится о том, что к 31 июля 1914 г. С. Д. Сазоновым, Н. Н. Янушкевичем и В. А. Сухомлиновым был разработан текст воззвания к полякам и представлен императору. На документе имеется официальная помета о том, что Николай II «изволил читать» упомянутый документ²⁸. Таким образом, можно говорить о том, что к разработке воззвания к полякам были причастны начальник Генерального штаба

²⁵ Ibid., с. 27.

²⁶ *Генерал В. А. Сухомлинов. Дневник. Письма. Документы: сборник документов.* Отв. ред. Е. МАЧИКИН. Москва, 2014. с. 24.

²⁷ ГИППИУС, З. *Петербургские дневники, 1914–1919.* Нью-Йорк, Москва, 1990, с. 27.

²⁸ Письмо В. А. Сухомлинова, 31 июля 1914 г. *Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ), ф. 323, оп. 617, д. 89, л. 2.*

Н. Н. Янушкевич, военный министр В. А. Сухомлинов и министр иностранных дел С. Д. Сазонов. Великий князь Николай Николаевич контролировал подготовку текста обращения к полякам, но делал это с ведома и одобрения императора.

Российский историк А. Б. Асташов, ссылаясь на документы Дипломатической канцелярии при Ставке и Особого политического отдела МИД, называет автором текста Г. Н. Трубецкого, незадолго до этого назначенного посланником России в Сербии. Участие В. А. Сухомлинова в организации обращения к полякам, по мнению А. Б. Асташова, ограничилось всего лишь непосредственной подачей готового воззвания царю 31 июля 1914 г.²⁹

Вопрос об авторах текста воззвания к полякам является довольно сложным, поскольку речь идет о коллективном авторстве, где необходимо выделить авторов идеи и непосредственных составителей документа. В случае коллективного авторства можно вести речь о некой авторской группе, где выделяются руководители и непосредственные исполнители. При этом непосредственные составители и даже авторы текста реализуют политические цели руководителей, а последние оказывают определяющее влияние на текст. Исходя из этого, не стоит сбрасывать со счетов В. А. Сухомлинова, С. Д. Сазонова, Н. Н. Янушкевича, великого князя Николая Николаевича и, наконец, Николая II. Роль Г. Н. Трубецкого в составлении текста была значительна. Об этом упоминали современники. Так, в 1930 г. в связи со смертью Г. Н. Трубецкого в одном из некрологов говорилось: «Его перу принадлежит одинъ изъ историческихъ актовъ Великой войны — воззваніе вел. кн. Николая Николаевича къ полякамъ, съ обѣщаніемъ автономіи польскому народу»³⁰. Но при этом нельзя забывать о тех лицах, которые определяли идеологическую сущность воззвания.

Воззвание к полякам 1 (14) августа 1914 г.: проблемы текста

Воззвание к полякам было опубликовано 2 (15) августа 1914 г. практически во всех газетах Российской империи. Вскоре его перепечатали многие зарубежные издания. Текст воззвания к полякам отличался лаконичностью и возвышенным стилем. Эти очевидные особенности текста с самого начала давали основания смотреть на него как на декларацию с пропагандистскими целями. Содержание воззвания к полякам в исторической литературе подробно не рассматривалось. Как правило, большинство авторов ограничивались цитирова-

²⁹ АСТАШОВ, А. *Op. cit.*, с. 24.

³⁰ † Кн. Г. Н. Трубецкой. *Вѣстникъ русскаго студенческаго христіанскаго движенія*, 1930, № 2, с. 5.

нием заключительной части воззвания, где говорилось о возрождении Польши под скипетром русского царя, свободной в языке, вере и самоуправлении.

Но, во-первых, необходимо задуматься о том, кому собственно было адресовано воззвание. Влияние документа на обсуждение польского вопроса в Российской империи, реакция на него широких общественных кругов, о чем подробнее будет сказано ниже, создали весьма стойкое мнение о том, что оно было предназначено полякам Царства Польского. Но в тексте речь идет преимущественно о поляках, проживавших в Познани, Силезии, Галиции. Данные территории в тексте не обозначались, но говорилось, что «наступит час воскресения польского народа братского примирения его с Великой Россией. *Русские войска несут вам благу вестъ этого примирения*» (курсив мой — А. Б.)³¹. Фактически это было обращение к полякам, проживавшим на территории Австро-Венгрии и Германии.

54

Следует также отметить, что на заседании Совета министров 30 июля (12 августа) говорилось, что воззвание необходимо «издать накануне вступления в польские земли». Вышеприведенная запись из дневника В. А. Сухомлинова также указывает на то, что воззвание предназначалось полякам Австро-Венгрии и Германии, но никак не России, хотя толчком послужил именно патриотический настрой поляков Российской империи.

Во-вторых, обращает на себя внимание затронутый в воззвании вопрос о межнациональных отношениях. В контексте мысли о будущем объединении Польши, осуществлении «заветной мечты [...] отцов и дедов» говорилось следующее: «Одного ждет от вас Россия: такого же уважения к правам тех национальностей, с которыми связала вас история»³². Конкретные национальности в воззвании названы не были. В самом тексте указывалось только на «братское примирение» с Россией, без указания на другие народности, проживавшие на указанных территориях. Вероятнее всего, что в «братском примирении» опять же нуждались поляки Австро-Венгрии и Германии.

В-третьих, поляки Российской империи в каком-либо самостоятельном контексте в воззвании вообще не упоминались. Но в заключительной части текста говорилось: «Пусть сотрутся границы, растързавшія на части Польскій народъ. Да воссоединится онъ воедино подъ скипетромъ Русскаго Царя. Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, языкѣ, въ самоуправленіи»³³. Именно последние слова о возрождении Польши и свободе самоуправления были отнесены на счет поляков Царства Польского. И

³¹ *Русское слово*, 2 (15) августа 1914 г., с. 1.

³² Ibid.

³³ *Годъ войны съ 19-го іюля 1914 г. по 19-е іюля 1915 г. Высочайшіе манифесты – воззванія Верховнаго главнокомандующаго...* Москва, 1915, с. 9.

в итоге декларация за подписью великого князя Николая Николаевича была воспринята в общественно-политических кругах Царства Польского как правительственное заявление по польскому вопросу и обещание польской автономии внутри Российской империи:

Следует также отметить, что обращение российских властей к польскому населению Австро-Венгрии и Германии не было чем-то исключительным. В это же время аналогичные шаги предприняли противники Российской империи. 31 июля (13 августа) 1914 г. от имени командования австро-венгерской и немецкой армий было опубликовано воззвание к полякам: «приближается минута освобождения из-под ярма московского [...] Мы несем вам свободу и независимость»³⁴. В нем содержался призыв «соединиться с союзными войсками» для того, чтобы «выгнать из границ Польши азиатские орды»³⁵. Одновременно Главное командование соединенных армий Австро-Венгрии и Германии выпустило прокламацию к евреям Польши. «Наши знамена приносят Вам права и свободу, равные гражданские права», – говорилось в обращении³⁶.

Все это позволяет говорить о том, что в основе идеи воззвания к полякам 1 (14) августа 1914 г. лежало обращение к польскому населению государств-противников, но реакция общественно-политических кругов на публикацию этого документа была такова, что воззвание стало точкой отсчета при обсуждении польского вопроса в Российской империи.

Совет министров и общественные настроения после публикации воззвания 1 (14) августа 1914 г.

После публикации воззвания польские организации в Москве («Благотворительное общество», «Дом польский», «Общество польских женщин», «Лютня», «Гимнастическое общество») приняли воззвание к соотечественникам, призывая к единению со всем славянством и борьбе с Германией³⁷.

В воззвании польских организаций Москвы говорилось, что документ возвещает полякам новую зарю «воссоединения растерзанного на части тела Польши», т. е. делался акцент на обещанное объединение. В Лодзи прошла манифеста-

³⁴ ЯХОНТОВ, А. Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записи, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров. *Русское прошлое*, 1996, кн. 7. с. 287.

³⁵ Ibid.

³⁶ Агентурная записка. Департамент полиции, 8 августа 1914 г. *ГАРФ*, ф. 215. оп. 1, д. 50, л. 87.

³⁷ Воззвание польских организаций в Москве. *Русское слово*, 3 (16) августа 1914 г., с. 2.

ция, в которой приняли участие 20 тыс. человек. При этом участники, выражая свои верноподданнические настроения, пели польские патриотические песни.

Следует подчеркнуть, что воззвание в России вызвало не только патриотический подъем, но и подтолкнуло поляков к новым инициативам. Так, 3 (16) августа 1914 г. на совещании польских организаций в Москве обсуждался вопрос о создании польского легиона в русской армии³⁸. Реальных последствий на тот момент это обсуждение не имело, но сама постановка вопроса именно под влиянием воззвания к полякам была показательна.

Также 23 августа Совет министров разрешил издать нотные тексты польских патриотических гимнов, ранее запрещенных. В решении царского правительства по этому вопросу говорилось: «Недопущение выхода в свет и наложение ареста на текст гимнов несомненно вызовет со стороны поляков нарекания, привлечет к этому случаю общественное мнение и приведет к появлению превратных комментариев в повременной печати»³⁹.

Следует отметить, что воззвание вызвало общественный резонанс не только среди польского населения. Обещание «самоуправления» будущей воссоединенной Польше вызвало надежды на аналогичные шаги в отношении других окраин Российской империи. Под влиянием публикации воззвания к полякам на окраинах Российской империи распространялись сведения о том, что готовится манифест об автономии и для других территорий, о расширении прав народов Российской империи. В Финляндии с августа 1914 г. распространялись сведения о том, что в Петрограде готовится высочайший манифест, касающийся судьбы княжества. Центральный орган старофинской партии газета «Ууси Суометар» 5 августа поместила статью, в которой со ссылкой на «Биржевые ведомости» сообщала о том, что в течение ближайших дней готовится публикация «весьма важного акта, касающегося русско-польских отношений». В статье также говорилось о том, что одновременно следует ждать и манифест о правах и преимуществах подвластных скипетру России народностей, в том числе и о форме правления Финляндии»⁴⁰. Другая старофинская газета поместила аналогичную статью и уточнила, что манифест, якобы, будет оглашен в Москве, а финляндский народ «стоит на пороге нового, более светлого времени, которое устранил все конфликты и недоразумения», к чему честно стремится Россия⁴¹. Младофинны также с энтузиазмом подхватили эти слухи. Газета «Лаатокка» писала, что финны, в силу своих автономных прав, находятся в исключительном

³⁸ Совещание польских организаций в Москве. *Русское слово*, 3 (16) августа 1914 г., с. 2.

³⁹ *Совет министров Российской империи...*, с. 365.

⁴⁰ СОЛОМЕШ, И. *Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.)*. Петрозаводск, 1992, с. 25.

⁴¹ Ibid.

положении и просят лишь, чтобы эти преимущества были «сохранены в нерушимости», если бы предполагаемый манифест «рассеял все то, что в течение последних лет затемняло отношения между нами и империей, то этого было бы для нас достаточно»⁴². От имени евреев г. Варшавы публиковались такие высказывания: «Когда будут выполнены данные свыше обещания, то новые законы в числе прав других народностей гарантируют и наши права»⁴³. В связи с этими высказываниями председатель Совета министров И. Л. Горемыкин потребовал принять меры против «неуместных суждений» в печати вплоть до закрытия газет-нарушителей. Подобные настроения современник событий А. Н. Яхонтов назвал «националистическими упованиями»⁴⁴ народов империи, усиливавшими в конечном итоге национальную самоидентификацию населения России. В этом видится одно из существенных политических последствий воззвания к полякам: не только признание в условиях войны полиэтнического состава империи, но и намек на возможность получения нового статуса после окончания войны.

Воззвание вызвало интерес не только в России, но и за ее пределами. Перепечатка иностранными газетами текста воззвания поставила Совет министров и МИД перед необходимостью реагировать на выступления зарубежной прессы. Ситуация осложнялась как свободой перевода и толкования воззвания верховного главнокомандующего за границей⁴⁵, так и практически полной неосведомленностью русских послов в вопросе о том, как они должны толковать этот документ. Агентство Гаваса в Париже, переведя слово «самоуправление» как «autonomie» сообщило, что русский император принял решение «восстановить территориальную целостность Польши и даровать ей полную автономию под управлением наместника его величества». Посланник России при Св. Престоле в Ватикане А. И. Нелидов в секретной телеграмме от 5 августа 1914 г. сообщил С. Д. Сазонову, что «В виду впечатления, произведенного Высочайшим обращением к польской народности, мне было бы крайне важно быть осведомленным об истинном характере и объеме предполагаемых в этом вопросе мероприятий, а также и о пределах ожидаемых льгот»⁴⁶. На многочисленные запросы С. Д. Сазонов отвечал, что все изложенное в обращении верховного главнокомандующего к полякам является «выражением действительных и серьезных намерений правительства», но «о пределах и размерах предполагаемых льгот пока не может быть сообщено что-либо определенное, и сам вопрос требует законодательного рассмотрения»⁴⁷.

⁴² Ibid.

⁴³ *Русское слово*, 6 (19) августа 1914 г.

⁴⁴ ЯХОНТОВ, А. *Op. cit.*, с. 283.

⁴⁵ *Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг.* Серия III: 1914–1917 гг. Т. VI, Ч. 1. Москва-Ленинград, 1935, с. 120.

⁴⁶ Телеграмма А. И. Нелидова С. Д. Сазонову, 5 августа 1914 г. *АВПРИ*, ф. 135, оп. 474, д. 50, л. 10.

⁴⁷ *Международные отношения...*, с. 124.

Внешнеполитические последствия публикации воззвания также озаботили Совет министров. В упоминавшейся телеграмме Н. Н. Янушкевича к С. Д. Сазонову от 2 августа 1914 г. начальник Генерального штаба писал, что великий князь спрашивает о том, «известна ли сущность даваемых нами обещаний союзникам и не вызовут ли эти обещания, существо коих предопределяет условия будущего мирного договора, нарушение в согласованности и единстве действий»⁴⁸. С. Д. Сазонов ответил, что иностранные послы им уведомлены. Но, несмотря на заявление С. Д. Сазонова 2 августа 1914 г. о согласовании текста воззвания с союзниками, представители правительств стран Антанты, особенно Франция, реагировали на появление воззвания к полякам с некоторым недоумением. В своих мемуарах Р. Пуанкаре писал по поводу воззвания: «Итак, Россия еще раз выступила здесь помимо нас», считая этот шаг русского правительства серьезной политической ошибкой⁴⁹.

Бурная реакция различных общественно-политических кругов после публикации воззвания заставила членов Совета министров выработать свою позицию: считать ли публикацию документа обычным пропагандистским актом или действием, которое будет иметь реальные политические последствия. На заседании Совета министров 1 августа 1914 г. С. Д. Сазонов сказал, что идеальным было бы «перестать существовать разрозненным полякам», но под скипетром русского царя, а не в форме суверенного государства⁵⁰. В этот же день А. В. Кривошеин предложил «извлечь максимум выгод» из воззвания. Но И. Г. Щегловитов и Н. А. Маклаков возразили. «Боюсь горьких плодов», – сказал первый из них. «Расхлебывать будет М[инистерство] в[нутренних] д[ел]. Нельзя [решать] такие вопросы без Сов[ета] м[инистров]», – поддержал его второй. И. Л. Горемыкин, расценив воззвание как военно-политическую пропаганду, попытался отделить его от внутригосударственных дел, заявив: «Все области русские должны подлежать русскому управлению. Что же касается Царства Польского, то великий князь может говорить, что хочет»⁵¹. Но активные выступления печати беспокоили и уже на следующем заседании 3 августа 1914 г. А. В. Кривошеин заявил, что «акт о поляках» встретил столь неединодушное отношение, что необходимо ослабить впечатление от воззвания⁵². Н. А. Маклаков заявил: «Газеты говорят об «автономии». Как быть? Если промолчим, то как бы одобряем? Не надо ли разъяснить для устранения излишних мечтаний». Попытки членов Совета министров сгладить ситуацию прокомментировал в своем дневнике В. А. Сухомлинов: «Щегловитов, Маклаков находят, что слишком мно-

⁴⁸ Телеграмма Н. Н. Янушкевича С. Д. Сазонову, 2 августа 1914 г. *АВПРИ*, ф. 135, оп. 474, д. 49. л. 3.

⁴⁹ ПУАНКАРЕ, Р. *На службе Франции: воспоминания за девять лет*. Кн. I. Москва, 1936, с. 56.

⁵⁰ *Совет министров Российской империи...*, с. 35.

⁵¹ *Ibid.*, с. 28–29.

⁵² *Ibid.*, с. 35.

го обещано полякам в воззвании верховного главнокомандующего, надо ограничить. По-моему, это равносильно тому, что барин дает на чай рубль, а затем просит гривенник сдачи»⁵³.

Первоначально предполагалось положить конец разнообразным выступлениям в печати официальным путем. 9 августа был подготовлен проект правительственного сообщения о Польше. В нем говорилось, что «вследствие слухов, распространявшихся в связи с воззванием Верховного Главнокомандующего к польскому народу» Санкт-Петербургское телеграфное агентство уполномочено заявить, что «принципиальные решения, заключающиеся в упомянутом воззвании, не могут быть пока облечены в юридические формулы, в виду того, что обычная законодательная деятельность в стране неизбежно уступает требованиям военного времени. Из объяснений с авторитетными представителями польского общественного мнения явствует, что они вполне понимают эту точку зрения»⁵⁴. Но члены Совета министров опасались, что официальная публикация подобного заявления будет похожа на полный отказ от обещаний, данных Верховным Главнокомандующим. Поэтому правительственное сообщение опубликовано не было, а вместо этого решено было поступить по предложению С. Д. Сазонова, который на заседании Совета министров 3 августа потребовал: «Позвать редакторов и запретить слова, которые не существуют в воззвании, и не раздувать»⁵⁵. В итоге председатель Санкт-Петербургского комитета по делам печати сделал следующее заявление редакторам столичных газет: «Председатель Совета министров поручил мне передать вам: некоторые органы печати толкуют воззвание Верховного Главнокомандующего как обещание восстановления Королевства или автономии. Ни то, ни другое не соответствует видам правительства»⁵⁶.

Августовские заседания Совета министров показали, что среди его членов не было единого мнения в отношении польского вопроса, но большинство склонялось к тому, что в начале войны обсуждать его нецелесообразно.

При публикации воззвания в августе 1914 г. решалась конкретная насущная задача – сохранение лояльности польского населения к русским войскам на территориях Австро-Венгрии и Германии. В этом плане, воззвание можно считать актом не пропаганды, а контрпропаганды в ответ на действия Германии.

⁵³ *Генерал В. А. Сухомлинов...*, с. 25.

⁵⁴ Проект сообщения Совета министров по польскому вопросу, 9 августа 1914 г. *АВПРИ*, ф.135, оп. 474, д. 52, л. 3.

⁵⁵ *Совет министров Российской империи...*, с. 35.

⁵⁶ Заявление Санкт-Петербургского комитета по делам печати, август 1914 г. *АВПРИ*, ф. 135, оп. 474, д. 52, л. 14.

Одновременно воззвание и полякам и опубликованное вслед за ним воззвание к народам Австро-Венгрии переносили идеологию войны в другую плоскость: вместо защиты России от германских войск провозглашалась идея собирания разделенных и угнетенных славянских народностей под скипетром русского царя. Ближайшими задачами борьбы с Германией и Австрией становились создание единой Польши и освобождение славянских народов из-под власти Австро-Венгрии. Эти заявления можно было расценивать как некую политическую программу. Хотя она исходила непосредственно от военной власти, но в сознании общественности приобретала государственное значение. Как отмечал позднее А. Н. Яхонтов: «на Совет министров постепенно налагалась задача, огромная по своему значению и последствиям: пересмотр чуть ли не всех издавна наслоившихся устоев нашего общеимперского уклада, а между тем война и приспособление государственного организма к ежедневно нарождавшимся новым нуждам поглощали все правительственные силы»⁵⁷. Сформулированная в воззваниях верховного главнокомандующего новая идеология войны налагала определенный оттенок на дальнейшую внутреннюю политику и являлась обязательством для правительства. Именно так воззвания за подписью великого князя Николая Николаевича и были восприняты заинтересованными и широкими общественными кругами. В этом смысле воззвание к полякам имело огромное влияние на позиции национальных общественно-политических кругов, которые с начала войны начинают ожидать аналогичных шагов в отношении других окраин. Тем более велико было их разочарование, когда уже в первые месяцы войны выяснилось, что правительство не планирует каких-либо радикальных мер как в национальной политике в целом, так и в польском вопросе.

Польский вопрос в Совете министров в 1915–1916 гг.: эволюция воззвания к полякам 1 (14) августа

Вступление русских войск на территорию Австро-Венгрии, в Галицию заставило Совет министров вновь вернуться к проблемам, обозначенным в воззвании 1 (14) августа 1914 г. Инициатива в данном случае исходила от Ставки Верховного главнокомандующего.

В конце августа 1914 г. начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Янушкевич обратился с письмом в Совет министров к его председателю И. Л. Горемыкину. Н. Н. Янушкевич считал, что необходимо срочно

⁵⁷ ЯХОНТОВ, А. *Op. cit.*, с. 286.

определить позицию Совета министров в польском и украинском вопросах. Он писал: «Вообще, казалось бы, что наступило время дать полякам некоторые более положительные заверения относительно предполагаемых уступок им [...] сохранение полной неопределенности в этом вопросе создает благоприятную атмосферу для развития недоверия в польских кругах», т. е. в условиях невозможности реформировать Царство Польское предлагалось продемонстрировать полякам некоторые образцы будущих свобод на территории Восточной Галиции. К предложениям Н. Н. Янушкевича члены Совета министров отнеслись весьма осторожно и обращение проигнорировали. Но в октябре Н. Н. Янушкевич вновь обратился к И. Л. Горемыкину от имени великого князя Николая Николаевича, отмечая, что «в связи с занятием территории Австро-Венгрии надо как-то высказаться по польскому вопросу и дать полякам какие-то обещания, иначе управление краем станет невозможным»⁵⁸. Лишь в конце октября 1914 г. в Совете министров на основании письма Н. Н. Янушкевича состоялось обсуждение польского вопроса.

До этого члены Совета министров, хотя и затрагивали польскую проблему, но их подход был весьма бессистемный. Большинство членов Совета министров не имели достаточно четкого мнения о проблеме и весьма плохо представляли себе те задачи, которые им предстояло решить. Пожалуй, только министр иностранных дел С. Д. Сазонов, осведомленный лучше, чем остальные, имел более или менее определенный взгляд на развитие Царства Польского в связи с провозглашенными в воззвании лозунгами. Свои соображения по польскому вопросу С. Д. Сазонов представил членам Совета министров 29 сентября 1914 г. Он сформулировал тезисы о будущих границах Польши и компетенции органов местного самоуправления. По мнению С. Д. Сазонова, будущий польский край должен был состоять из Привислинских губерний Российской империи и польских земель, которые в случае победоносной войны отойдут к России от Германии и от Австро-Венгрии к Западной Галиции. Во главе их предполагалось поставить Наместника. Министр иностранных дел считал, что «пределы самоуправления края определяются имперским законодательством, прочим должна быть обеспечена нераздельность связи его с Империей [...] при сохранении участия представителей Польши в имперских законодательных учреждениях»⁵⁹. К компетенции местных органов самоуправления было предложено отнести церковные вопросы, управление начальным и средним образованием, местным хозяйством и, частично, суд. При этом была поставлена задача максимального приближения местных органов самоуправления

⁵⁸ ДЯКИН, В. *Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начала XX в.): материалы к исследованию*. Санкт-Петербург, 1998, с. 403.

⁵⁹ *Русско-польские отношения в период первой мировой войны*. Ред. Н. ЛАПИНСКИЙ. Москва-Ленинград, 1926, с. 10–12.

к типу российских земских учреждений. С. Д. Сазонов предлагал также расширить права польского языка, введя польский как язык преподавания в высших, средних и низших учебных заведениях при сохранении обязательного преподавания русского языка⁶⁰.

Параллельно свои соображения представили военные из Ставки Верховного Главнокомандующего. Генерал-адъютант И. К. Григорович 3 октября 1914 г. представил записку о Польше, где помимо общих рассуждений предполагал включить контроль над польским законодательством в компетенцию Государственного совета.

62

Обсудив направления возможных преобразований в Царстве Польском в октябре–ноябре 1914 г., Совет министров пришел к заключению, что в состав будущего польского края должны войти как нынешние губернии Варшавского генерал-губернаторства, так и польские земли, которые отойдут к России после побед над Австро-Венгрией. Управление Польшей предполагалось строить на началах свободы вероисповедания, сделать необходимым знание польского языка при назначении на местные административные и судебные должности, а также ввести институт наместника. Помимо института наместника, предполагалось ввести в Царстве Польском суд присяжных, мировой суд, городское самоуправление и земские учреждения по имперскому типу. Несмотря на то, что программа, разработанная в Совете министров, сохраняла верховенство российской имперской власти по всем основным вопросам управления краем, ее поддержали не все члены правительства. Против выступили министр юстиции И. Г. Щегловитов, товарищ министра народного просвещения М. А. Таубе, управляющий министерством внутренних дел А. В. Маклаков, считавшие, что любая программа преобразований в Царстве Польском в условиях войны преждевременна: «Задачу объединения Польши следует считать второстепенной и не стремиться во что бы то ни стало объединить поляков под властью России. Нельзя поддаваться союзникам, которые могут захотеть независимой Польши. Польский вопрос [...] может и должен быть предоставлен решению исключительно лишь России в полном соответствии с русскими государственными интересами»⁶¹. С меморией Совета министров от 20 октября – 15 ноября 1914 г. об устройстве польского края ознакомились император Николай II и великий князь Николай Николаевич. Они оба поддержали позицию большинства, но при этом великий князь отметил, что разработка и решение польского вопроса – послевоенная задача.

В феврале 1915 г. в Совете министров были сформулированы основные направления преобразования в Царстве Польском. В Особом журнале Совета

⁶⁰ Записка С. Д. Сазонова по польскому вопросу, 29 сентября 1914 г. *АВПРИ*, ф. 135. оп. 474, д. 57/68, л. 3.

⁶¹ ДЯКИН, В. *Op. cit.*, с. 404.

министров 18 и 23 февраля 1915 г. «О главных началах будущего устройства польского края» снова, как и в октябре 1914 г., было отмечено, что будущий польский край не может иметь чего-либо обособленного или отличного от других частей империи в следующих отраслях государственного управления: законодательные учреждения, армия и флот, международные отношения, финансы, монета, пути сообщения, почта, телеграф, суд. В числе преобразований, которые предполагалось провести в Царстве Польском, были перечислены: предоставление католическому духовенству права катехизации католического юношества, предоставление местному населению права обращаться на польском языке во все местные судебные и административные учреждения края с сохранением общегосударственного языка в делопроизводстве этих учреждений, преподавание на польском языке во всех учебных заведениях края за исключением русских, знание польского языка как условие для назначения на все судебные и административные должности в крае, введение земских учреждений общеимперского типа. Во главе будущей Польши должен был стоять наместник его императорского величества.

В целом в конце 1914 – начале 1915 г. не было принято принципиальных решений ни по вопросам управления «русской Польшей», ни Польшей, которая должна была возникнуть по окончании войны. Это было вызвано во многом тем обстоятельством, что внутри самого Совета министров не было единства по польскому вопросу. Его консервативная часть (И. Г. Щегловитов, М. А. Таубе, Н. А. Маклаков) склонялась к тому, чтобы не допустить излишней либерализации в польской политике. Либеральная часть и особенно А. В. Кривошеин считали, что Совет министров в своих проектах не должен противоречить идее воззвания о «самоуправлении», и «удовлетворить чувству национальной обособленности поляков»⁶².

Осложнение положения на Западном фронте и угроза захвата Царства Польского Германией потребовали от правительства дальнейших шагов в решении польской проблемы. В апреле 1915 г. император распорядился вернуться к польскому вопросу. 9 апреля 1915 г. И. Л. Горемыкин отправил Н. Н. Янушкевичу письмо, где отмечал, что будет созвано русско-польское совещание для обсуждения вопросов, обозначенных в воззвании Верховного Главнокомандующего, при этом И. Л. Горемыкин подчеркивал, что «это совещание без участия министров не будет иметь решающего значения, а лишь только частного обмена мыслей и работы его послужат материалом для обсуждения этих вопросов в Совете министров, дабы затем внести их в Думу и Совет»⁶³. 21 мая 1915 г. состоялось первое заседание «высочайше учрежденного совещания для предвари-

⁶² Русско-польские отношения в годы Первой мировой войны... с.14.

⁶³ Журнал Совета министров о послевоенном политическом устройстве Польши, 1915 г. *Российский государственный исторический архив*, ф. 1276, оп. 10, д. 71, л. 375.

тельного обсуждения о порядке осуществления возведенных в воззвание Верховного главнокомандующего мер», на которое были приглашены Д. И. Багалеи, П. Н. Балашев, представители губерний Царства Польского – С. И. Велепольский, Р. С. Гарусевич, В. Ф. Грабский, Р. В. Дмовский, Е. Е. Добецкий, И. А. Шебеко, а также А. П. Никольский, Д. Н. Святополк-Мирский, А. А. Хвостов, Н. П. Шубинский. Открывая заседание, 22 июня 1915 г. И. Л. Горемыкин заметил, что совещанию следует исходить в разработке проекта из того, что воссоединение польских земель по окончании войны осуществится, вопрос же о преобразованиях в губерниях Царства Польского – исключительно дело правительства. Он заметил, что обещание восстановления свободной Польши может быть реализовано только в случае захвата русскими войсками Познани: «есть Познань и т.д., есть и автономия, нет Познани, – нет и автономии»⁶⁴. Но обсуждение будущего Польши в послевоенной перспективе участников совещания не устроило.

Исходя из текста воззвания к полякам и польские участники стремились отстаивать идею государственной самостоятельности Польши. Русские участники совещания считали, что осуществление таких глобальных задач и утверждение роли Польши в славянском мире не должно идти вразрез с русской государственностью и необходимо сохранение тесной связи Польши с имперским центром. Разница в понимании основ будущих русско-польских отношений определила дальнейшие расхождения.

К согласию русские и польские участники совещания так и не пришли. Последнее заседание состоялось 1 июля 1915 г. Было составлено заключение, содержащее основные моменты обсуждения и внесено в Государственный совет 7 июля 1915 г. Параллельно была продолжена работа по созданию самостоятельных проектов устройства Царства Польского русской и польской стороной в рамках совещания по обсуждению польского вопроса.

Оценивая проекты русской и польской стороны, Р. Дмовский в интервью одной из российских газет сказал: «Мы, польские члены совещания, представили план настоящей автономии, а русские члены говорили о чем-то вроде самоуправления [...] Из многих бесед видно, что русские [...] боятся нашей автономии, которая может быть примером для других народов России»⁶⁵.

Работа Совещания прекратилась не только из-за разногласий между его участниками. Наступление немцев на Варшаву заставило Совет министров вновь обсудить вопрос о целесообразности разработки правительственной декларации по польскому вопросу в развитие воззвания Верховного главнокомандую-

⁶⁴ Материалы по вопросу о разработке основных начал послевоенного политического устройства Польши, 22 июня 1915 г. РГИА, ф. 1276, оп. 11, д. 19, л. 120.

⁶⁵ Ibid.

щего 1914 г. Дискуссии по польскому вопросу снова были перенесены в Совет министров. Перед открытием Государственной думы в июле 1915 г. состоялось совещание Совета министров, на котором рассматривалось заявление И. Л. Горемыкина в Государственной думе. В заявлении предполагалось затронуть польский вопрос. А. В. Кривошеиным был подготовлен текст, с которым И. Л. Горемыкин должен был выступить в Думе. В проекте, в частности, по свидетельству А. Н. Яхонтова, говорилось, что после войны Польше будет предоставлена автономия «под Державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности»⁶⁶. Следует отметить, что сам факт обращения к термину «автономия» показывал, что летом 1915 г. происходит трансформация декларативных заявлений, сформулированных в воззвании 1 (14) августа 1914 г. Вместо «самоуправления» появляется «местная автономия».

Правда, министр иностранных дел С. Д. Сазонов считал, что говорить о предоставлении Польше автономии после войны уже поздно, а необходимо сделать это немедленно, издав императорский манифест.

В своих «Воспоминаниях» он писал, что на заседании Совета министров 16 июля 1915 г. ему пришлось протестовать «против подобного заявления», доказывать, «что вопрос о польской автономии требовал немедленного разрешения путем Высочайшего манифеста, не дожидаясь открытия заседаний Государственной думы»⁶⁷. Требовалось заявить о правительственных мерах в польском вопросе, чтобы обеспечить симпатии поляков к России. На заседании 16 июля С. Д. Сазонов подчеркивал, что императорский манифест покажет, что, несмотря на отступление русских войск, Россия продолжает «заботиться о братском народе и подготавливает для будущего условия справедливого сожительства. Манифест надо издать немедленно [...]. Поляки устали ждать, начали извериваться в порожденных воззванием великого князя надеждах. Императорский манифест поддержит эти надежды и не даст обратиться симпатиям к немцам, которые со своей стороны готовы на все, чтобы подкупить поляков»⁶⁸. С. Д. Сазонова в Совете министров не поддержали⁶⁹. А. В. Кривошеин расценил предложение министра иностранных дел как «акт недопустимой трусости». Рухлов заметил, что делать подобные заявления «недостойно великодержавия России», а А. А. Хвостов отметил, что манифест о польской автономии довольно бесполезен: «Поляки мечтают о независимости и автономией их не удовлетворить»⁷⁰. 19 июля 1915 г. И. Л. Горемыкин выступил в Государственной думе с правительственным заявлением, в котором, в частности, говорилось: «В эти дни польскому народу

⁶⁶ Тяжелые дни. *Русский архив*, 1926, т. 18, с. 22.

⁶⁷ САЗОНОВЪ, С. *Воспоминания*. Париж. 1927, с. 376.

⁶⁸ Тяжелые дни..., с. 22.

⁶⁹ *Совет министров Российской империи...*, с.201.

⁷⁰ *Ibid.*, с. 22–23.

важно знать и верить, что будущее его устройство окончательно и бесповоротно predetermined воззванием Верховного Главнокомандующего [...] Ныне государь император высочайше соизволил уполномочить меня объявить вам, гг. члены Государственной думы, что его величеством повелено Совету министров разработать законопроект о предоставлении Польше по завершении войны права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности»⁷¹. Заявление это было сделано за несколько дней до того, как русские войска оставили Варшаву.

Отступление русских войск и взятие немцами Варшавы к лету 1915 г. усилили интерес германских правящих кругов к вопросу о будущем государственном устройстве Польши. Захваченные неприятелем польские земли фактически делились на две сферы влияния: австрийскую и германскую. Граница проходила по линии Варшавско-Венской железной дороги. На территории, находившейся под контролем Германии, русский язык в деятельности административных учреждений был заменен немецким, были созданы административные структуры по русскому образцу. Употребление польского языка было сохранено в прежнем объеме.

Австрийская администрация на своей территории вводила систему управления, аналогичную галицийской, спеша провести преобразования, несмотря на военное положение. Австрийские власти в Царстве Польском стремились выступить в роли освободителей поляков от векового иноземного ига. Вместо русского языка активно вводился польский. Фактически австрийцы стремились создать для занятых ими губерний Царства Польского автономное положение, которое Россия обещала полякам только после войны и победы.

Польское общество разделилось на два лагеря, которые ориентировались на один из двух военно-политических блоков, сложившихся в Европе. Большинство галицийских партий и Социал-демократической партии делали ставку на Австро-Венгрию. Среди них был лидер Польской социалистической партии Ю. Пилсудский. Ко второму блоку, ориентирующемуся на победу Антанты и на объединение польских земель в составе России, принадлежала в Королевстве Польском часть «реалистов» и национальных демократов (эндэки). 5 ноября 1916 г. варшавский генерал-губернатор Г. Г. фон Безелер объявил жителям Варшавы, что германский и австрийский императоры заключили соглашение об образовании из польских областей самостоятельного государства с наследственной монархией и конституционным государственным строем под названием Королевство Польское. Параллельно австрийский император Франц-Иосиф издал рескрипт на имя министра-президента Э. фон Кербера о расширении автономии Гали-

⁷¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты: четвертый созывъ, 1915 г., сессия четвертая. Петроградъ, 1915, столб. 9–10.

ции⁷². В связи с объявлением польской независимости на заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г. была принята декларация польского коло (*Koło Polskie*). Члены Государственной думы отмечали, что хотя «польский вопрос Германией разрешен быть не может», но российское правительство не сделало ничего для того, чтобы укрепить веру польского народа в то, что «решение России, объявленное в историческом воззвании к польскому народу, непоколебимо»⁷³. Решить польский вопрос должна Россия вместе с союзниками путем объединения всех польских земель и провозглашения свободной Польши. От имени правительства в Государственной думе в этот же день выступил А. Д. Протопопов, который сказал, что правительство как прежде, так и теперь стоит на точном смысле воззвания Верховного главнокомандующего и речи, сказанной в 1915 г. И. Л. Горемыкиным, т. е. подтвердил правительственный курс на автономию Польши. 2 ноября 1916 г. было опубликовано правительственное сообщение о положении в Польше, где говорилось, что в намерения России входит образование «целокупной Польши», с предоставлением ей, по завершении войны, «права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности»⁷⁴. Следует отметить, что в 1916 г. на уровне правительства и отдельных министерств начинает рассматриваться вопрос об автономии сопредельных с Царством Польским территорий, в том числе вопрос об автономии Литвы⁷⁵.

Провозглашение Германией польской государственной самостоятельности было теснейшим образом связано с попытками Германии создать польскую армию, которая выступила бы против держав Антанты. Это обстоятельство обеспокоило Англию и Францию и 5 ноября 1916 г. в Париже на совещании представителей правительства Италии, Великобритании и Франции был разработан текст протеста против германского акта. В нем говорилось, что «факт военной оккупации [...] отнюдь не может повлечь за собой переход суверенных прав на оккупированную территорию, а, следовательно, и дать кому-либо право располагать этой территорией в чью-либо пользу»⁷⁶.

С момента объявления Германией государственной самостоятельности Польши в польских политических кругах, как в России, так и в самой Польше, преобладающим стало мнение о том, что автономия Польши поляков не удовлетворит и речь вести можно только об образовании независимого польского государства.

⁷² Речь, 3 ноября 1916 г.

⁷³ Речь, 2 ноября 1916 г.

⁷⁴ О положении в Польше. *Правительственный вестник*, 2 ноября 1916 г.

⁷⁵ Справка о предоставлении Литве автономии, 1916 г. *АВПРИ*, ф. 135, оп. 474, д. 143/238.

⁷⁶ Речь, 7 ноября 1916 г.

12 декабря 1916 года Николай II издал приказ армии и флоту за № 870, где среди задач России в настоящей войне назвал «создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей». Опубликование приказа стало толчком к возобновлению деятельности Совещания для разработки основных начал будущего государственного устройства Польши. Первое заседание Совещания состоялось 8 февраля 1917 г. под председательством Д. Н. Голицына. 12 февраля 1917 г. было принято решение о даровании Польше прав независимого государства. Решение Совещания было оформлено в форме Особого журнала Совета министров, но последний не был утвержден императором⁷⁷. Временное правительство 16 марта 1917 г. объявило о признании независимости Польши. А 29 августа 1918 г. Совет народных комиссаров специальным декретом аннулировал договоры царского правительства, касающиеся разделов Польши.

Заключение

Воззвание к полякам стояло в ряду аналогичных документов, издаваемых как Россией, так и ее противниками. Обе стороны стремились дестабилизировать прифронтовые территории противника, обращаясь к представителям различных национальностей с обещаниями льгот и национальных привилегий.

Но публикация воззвания имела серьезные политические последствия для Российской империи. Во-первых, представители других национальностей (финны, евреи и др.) на страницах периодической печати высказывали надежду на получение аналогичных обещаний от правительства. Во-вторых, поляки в Царстве Польском стали ожидать реформ в ближайшее время.

Совет министров пытался уйти от дальнейшего решения проблемы, понимая, что декларация великого князя стала рассматриваться польской общественностью как основа для серьезных преобразований, которые проводить в условиях войны Совет министров не собирался. Но после вступления русских войск в Галицию в конце лета 1914 г. начальник штаба Ставки генерал Н. Н. Янушкевич стал настаивать на том, что Совет министров должен разработать проект решений польского вопроса, чтобы показать полякам перспективы послевоенного устройства и обеспечить таким образом эффективное управление оккупированной частью Галиции. Фактически в годы войны Совет министров обращался к польскому вопросу или под давлением Ставки, или в пропагандистских целях в сложных военных обстоятельствах лета 1915 г., постепенно

⁷⁷ Журнал Особого совещания для разработки основных начал будущего государственного устройства Польши, 12 февраля 1917 г. РГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 73, л. 50–54.

расширяя обещания воззвания к полякам, переходя от обещания «самоуправления» к «автономии».

В целом неоднократные обсуждения польского вопроса в годы войны не привели к видимым результатам. Можно утверждать, что на протяжении всей войны царское правительство было вынуждено реагировать на воззвание великого князя Николая Николаевича. Издавая воззвание, его инициаторы имели в виду только публикацию пропагандистского документа, какие во множестве публиковались летом 1914 г. воюющими сторонами. Но именно для Российской империи воззвание к полякам стало документом, который на протяжении всей войны заставлял правительство обращаться к польскому вопросу, принимать локальные акты, расширявшие права поляков в Царстве польском, который стал основой для многочисленных обвинений правительства в неисполнении обещаний, данных полякам в начале войны.

Таким образом, публикация воззвания к полякам оказала существенное влияние на общественные настроения в Российской империи в целом, вызвав надежду на изменения в управлении отдельными регионами и положении отдельных этносов. Важным следствием публикации воззвания стало начало обсуждения польского вопроса в Совете министров и разработка реформ управления Царством Польским.

Благодарность

Автор благодарит организаторов и участников международной научной конференции «Принцип национальности в годы Первой мировой войны» (11–12 декабря, г. Вильнюс). Особую благодарность автор выражает Ч. Лауринвичусу, Д. Сталюнасу, В. Сафроновасу, Э. Лору, Е. Сергееву, А. Шубину за ценные замечания и вопросы, которые помогли при написании данной статьи.

Список исследований, цитируемых в статье

- АСТАШОВ, Александр. *Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны*. Москва, 2012.
- БАЗАНОВ, Сергей. Отличный главнокомандующий. *История. Еженедельное приложение к газете «1 сентября»*, 2004, № 4, с. 4–11.
- ДОНИН, Александр. Военный август 1914 г. в России (по материалам журнала «Нива»). *Власть*, 2014, № 2, с. 164–169.
- ДЯКИН, Валентин. *Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начала XX в.)*: материалы к исследованию. Санкт-Петербург, 1998.
- МАТВЕЕВ, Геннадий. *Пилсудский*. Москва, 2008.
- ОЛЬДЕНБУРГЪ, Сергей. *Царствование Императора Николая II*. Томъ II. Мюнхень, 1949.

- СЕНЯВСКАЯ, Елена. Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника. *Вестник РУДН. Серия «История»*, 2009, № 4, с. 111–127.
- СОЛОМЕШ, Илья. *Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.)*. Петрозаводск, 1992.
- ТЕОДОРОВИЧ, Иван. Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке в 1914–1915 гг. In *Первая мировая война: сборник статей*. Отв. ред. Аркадий СИДОРОВ. Москва 1968, с. 108–120.
- CALDER, Kenneth J. *Britain and the Origins of the New Europe, 1914–1918*. Cambridge, 1976.
- McMEEKIN, Sean. *The Russian Origins of the First World War*. Cambridge, MA, 2011.
- PRAŽMOWSKA, Anita J. *Poland: A Modern History*. London, 2010.
- STEVENSON, David. *1914–1918: The History of the First World War*. London, 2004.

THE PROCLAMATION TO THE POLISH NATION ON 14 (1) AUGUST 1914 OF NIKOLAI NIKOLAEVICH: SIGNIFICANCE AND POLITICAL CONSEQUENCES

Aleksandra Bakhturina

Summary

A proclamation to the Poles on 14 (1) August 1914, signed by the supreme commander-in-chief, Grand Duke Nikolai Nikolaevich, was addressed to Poles living in the territory of Austria-Hungary and Germany. An analysis of documents of the Council of Ministers, the Ministry of Foreign Affairs and the diary of the minister of defence V.A. Sukhomlinov shows that the Kingdom of Poland was not mentioned during the preparation of the proclamation.

The proposal to prepare the proclamation was made on 12 August (30 July) 1914 at a meeting of the Council of Ministers by the governor-general of Warsaw J.G. Zhilinsky. The move was supported by A.V. Krivoshein. The reason for publishing the document was to prepare for the entry of Russian troops into the territory of Austria-Hungary. Among the authors of the document were V.A. Sukhomlinov and the foreign minister S.D. Sazonov. The text itself was devised by an official of the Foreign Ministry, G.N. Trubetzkoy, and translated into Polish by S. Velepolsky. The document was approved by Emperor Nicholas II, and signed by Grand Duke Nikolai Nikolaevich.

The proclamation to the Poles was just one of several similar documents issued by Russia, Austria-Hungary and Germany. Both sides sought to destabilise frontline enemy territory, addressing members of various nationalities with promises of benefits and national privileges.

The publication of the proclamation on 14 (1) August had serious political consequences for the Russian Empire. First, the members of other ethnic groups (Finns, Jews, etc) began to hope for a similar promise from the government. Secondly, the Polish public considered the proclamation by the Grand Duke as a basis for major reforms to be conducted right in the middle of the war.

The Council of Ministers tried to defer reforms until after the war, and not carry them out immediately. But after the entry of Russian troops into Galicia in the late summer of 1914, the chief of staff, General Yanushkevich, insisted that the Council of Ministers should develop draft decisions to show the Poles the postwar prospects, and thereby ensure the effective management of the occupied part of Galicia. At the insistence of the Supreme Command, the Council of Ministers discussed the Polish issue in late 1914 and early 1915, but did not take any practical decisions.

Discussions to make the promises declared in the proclamation more specific resumed in the summer of 1915, before the Russian troops had left Warsaw. S.D. Sazonov offered to show the Poles that the proclamation was not an empty promise, and to issue a manifesto on autonomy. It was not supported, but the prime minister, I.L. Goremykin, made a statement in the parliament (Duma), which promised autonomy for Poland after the war.

Repeated discussions of the Polish issue during the war did not lead to visible results. Throughout the war, the Imperial government was forced to act according to the proclamation by Grand Duke Nikolai Nikolaevich. When issuing the proclamation, its initiators had in mind only the publication of an advocacy document, one of many similar ones published in the summer of 1914 by the warring parties. But for the Russian Empire, the proclamation to the Poles became a document that throughout the war forced the government to return to the Polish issue, to pass local legislation extending the rights of Poles in the Polish Kingdom. Declarative statements contained in the proclamation formed the basis for many accusations against the government that it failed to fulfil the promises made to the Poles at the beginning of the war.

1914 M. RUGPJŪČIO 14 (1) D. NIKOLAJAUS NIKOLAJEVIČIAUS ATSIŠAUKIMAS Į LENKŲ TAUTĄ: JO REIKŠMĖ IR POLITINĖS PASEKMĖS

Aleksandra Bachturina

Santrauka

Atsišaukimas į lenkų tautą, 1914 m. rugpjūčio 14 (sen. st. 1) d. pasirašytas vyriausiojo karinių pajėgų vado didžiojo kunigaikščio Nikolajaus Nikolajevičiaus, buvo adresuotas lenkams, gyvenusiems Austrijoje-Vengrijoje ir Vokietijoje. Ministrų Tarybos, Užsienio reikalų ministerijos dokumentų, gynybos ministro V. A. Suchomlinovo dienoraščio analizė rodo, kad rengiant atsišaukimą apie Lenkijos karalystę nebuvo kalbama.

Siūlymas parengti atsišaukimą buvo pateiktas 1914 m. rugpjūčio 12 (liepos 30) d. Ministrų Tarybos posėdyje Varšuvos generalgubernatoriaus J. G. Žilinsko. A. V. Krivošeinas šį žingsnį parėmė. Impulsas paskelbti dokumentą buvo siekis parengti Rusijos pajėgų įžengimą į Austrijos-Vengrijos teritoriją. Tarp dokumento autorių buvo V. A. Suchomli-

novas ir užsienio reikalų ministras S. D. Sazonovas. Pats tekstas buvo sukurtas Užsienio reikalų ministerijos pareigūno G. N. Trobeckojaus ir išverstas į lenkų kalbą S. Velepolskio. Dokumentą aprobavo imperatorius Nikolajus II ir pasirašė didysis kunigaikštis Nikolajus Nikolajevičius.

Atsišaukimas į lenkų tautą laikytinas tik vienu iš kelių panašių dokumentų, paskelbtų Rusijos, Austrijos-Vengrijos ir Vokietijos. Abi pusės jais siekė destabilizuoti priešo pasienio teritorijas, kreipdamosi į įvairių tautų atstovus ir žadėdamos jiems naudos bei tautinių privilegijų.

Atsišaukimo paskelbimas rugpjūčio 14 (1) d. Rusijos imperijai turėjo rimtų politinių pasekmių. Pirmiausia kitų etninių grupių atstovai (suomiai, žydai ir kt.) pradėjo tikėtis iš vyriausybės panašių pažadų. Antra, Lenkijos visuomenė traktavo didžiojo kunigaikščio atsišaukimą kaip pagrindą esminių reformų, kurios turėjo būti įvykdytos vidury karo.

72

Ministrų Taryba bandė atidėlioti šias reformas iki pokarinio laikotarpio ir nebuvo nusi-teikusi vykdyti jų nedelsiant. Tačiau Rusijos pajėgoms 1914 m. vėlyvą vasarą įžengus į Galiciją, generolas Januškevičius primygtinai pareikalavo, kad Ministrų Taryba parengtų sprendimų metmenis, idant lenkams būtų parodyta pokarinė perspektyva ir tuo užti-krintas efektyvus okupuotosios Galicijos dalies valdymas. Vyriausiajai karinei vadovybei reikalaujant, Ministrų Taryba 1914 m. pabaigoje – 1915 m. pradžioje aptarinėjo Lenkijos klausimą, bet jokių praktinių sprendimų nepriėmė.

Svarstymai apie pažadų, duotų atsišaukime, tesėjimą konkrečiau atsinaujino 1915 m. va-sarą, kai Rusijos pajėgos turėjo trauktis iš Varšuvos. S. D. Sazonovas siūlė parodyti len-kams, kad atsišaukimas nebuvo vien tik tuščias pažadas, ir išleisti manifestą, skelbiantį Lenkijos autonomiją. Šiai idėjai nebuvo pritarta, visgi ministras pirmininkas I. L. Goremy-kinas Dūmoje pasakė kalbą, kurioje pažadėjo Lenkijai autonomiją po karo.

Karo metais vis atsinaujindavusios diskusijos Lenkijos klausimu nevedė į jokus aiškiai matomus rezultatus. Visgi per visą karą imperijos vyriausybė buvo priversta elgtis, atsi-žvelgdama į didžiojo kunigaikščio Nikolajaus Nikolajevičiaus atsišaukimą. Paskelbdami jį, iniciatoriai neturėjo omeny kažko daugiau nei propagandinio dokumento – vieno iš dau-gybės, paskelbtų 1914 m. vasarą kovojusių šalių. Tačiau Rusijos imperijai atsišaukimas į lenkų tautą tapo dokumentu, kuris per visą karą vertė vyriausybę grįžti prie Lenkijos klausimo, priiminėti lokalius įstatymus, kurie didino lenkų teises Lenkijos karalystėje. Deklaratyvūs teiginiai, išsakyti atsišaukime, sukūrė pagrindą daugeliui vyriausybei adre-suotų kaltinimų, esą jai nepavykė įgyvendinti pažadų, duotų lenkams karo pradžioje.